

САКРАЛЬНО-МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ.

•Филодѣй – III Римъ

ФИЛО... [< др.-греч. φυλέω люблю, φυλος друг] часть слов, указывающая на их связь с любовью, пристрастием, дружбой.

Новейший словарь иностранных слов и выражений.- М.: Современный литератор, 2005.- 976 с.

•Ф, буква •Фита, 34-я по ряду, въ церкв. 41-я; пишется, безъ нужды, въ греческихъ словахъ, замѣсть *φ*; въ црквн. счетъ: •Ф девять. Въ гречск. произношенъи •Ф напоминаетъ англійское *the*, и нѣкогда писалось у насъ также въ гречск. словахъ замѣсть *t*, нпр. •Феатръ, •Феорія...

В.И. Даль Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т.- М.: Рус. Яз., 2002.- Т. 4: П.- 2002.- 688 с.

Семантическая характеристика

•Фило•Фѣй → •Фило / •Фѣй → •Фило – одухотворение человека и акцентирование его внимания / •Фѣй – оживляющий и одухотворяющий (волшебник) → сакральная должность или звание

Парадигма истории и её хронология рождались в неоднозначную эпоху Позднего Средневековья. Практически все информационные потоки, которые реформировали сознание больших масс людей и определяли ход перераспределения огромных территорий, включая их всевозможные ресурсы, были поставлены на службу формирования новых моделей управления. Приоритетным стал процесс непрерывного дробления господствующей теллурократической цивилизации и образования из её частей государств с псевдо самостоятельными векторами развития. Великая древняя Сакральная Традиция, представляющая континентальные просторы, была обречена на развал внедрёнными в общественное сознание концепциями «I и II Римов».

Мировые религии и патронируемые ими государства, господствующие на осваиваемых перифериях Европы и Азии и конкурирующие за сферы влияния друг с другом, приступили к политике активного дележа континентальных просторов. Практически вся Западная Европа, а также растущие как на дрожжах колонии в Америке и Африке попали под преимущественную юрисдикцию католической церкви. В субширотном простирании от Гибралтара до Индии и Китая мы прослеживаем геополитическую ось распространения влияния Ислама в векторе – «от арабов к персам», который помимо географического, нёс также и метафизический

смысл. Само слово «араб» с позиций сакральной семантики обозначает «отрицание речи (алгоритма процесса) не от Бога». Монотеистическая идея была доведена до своего «Абсолюта» и направлена на освоение большей части территории древней Сакральной Традиции под названием Персия (Ϡ / ερ / с (iя) – одухотворение (оживление) воспринимаемым словом).

Но основным геополитическим фронтом, на котором вот уже на протяжении многих веков решаются судьбы истории, являлся географический и эзотерический путь «из варяг в греки» или «из варг в жрецы». Именно эта часть Восточной Европы, простирающаяся меридионально от Скандинавии до Малой Азии, и является «яблоком раздора» не только между мировыми религиями, но и метафизическим барьером в выборе концепции развития цивилизации. Возможный возврат к ментальности «Золотого века» или глобализация под эгидой Модерна – вот ключевой вопрос прошлого, настоящего и будущего.

Бывшее единое семантическое пространство континентальной цивилизации оказалось надёжно погребено под новообразованными абстрактно-символьными лингвистическими конструкциями, обслуживающими мировые религии – латынью, греческим и арабским языками. Преобладающие в общественном сознании номинализм, рационализм и абсолютизм создали потрясающие по силе воздействия механизмы управления сакральным сознанием людей. Все иные верования и религии объявлялись последовательно ересями и жестоко преследовались.

В эпоху Позднего Средневековья Православная Христианская Церковь самоустранилась от активного участия в дележе наследства периферии Метрополии. С середины XIV века неявно проступает политика консервации метафизических знаний и прослеживаются попытки строительства нового здания Церкви на основе провозглашаемых «**величайших неразрывных даров – священства и царства**», «**симфония властей**» как управленческое воплощение «**музыки сфер в миру**» обязана была реализоваться во вновь формируемых государствах. Первоочередное значение при решении этой проблемы играли следующие факторы – наличие бытового разговорного языка с максимально закреплёнными в генетической памяти людей основами Сакральной Традиции, наличие письменности, более сложной чем кодирующая «жреческая», а также потенциально необозримые материальные и человеческие ресурсы.

Всем перечисленным требованиям могла отвечать только сама Метрополия. Вспомним, что представляла из себя в управленческом плане континентальная цивилизация в Позднее Средневековье. Это всем известная мифологизированная «**Орда**» или «**Тартария**». Колоссальные просторы с достаточно высокой плотностью населения с единой семантической плазмой, выраженной в родственных языках (наречиях) с соответствующими письменностями – славяно-тюркской, фарси и санскритом. Не случайно русский путешественник Афанасий Никитин ездил «за три моря» без переводчика и повсюду находил понимание. Таким образом, Христи-

анская религия, распространяемая в Средиземноморье на пути «из варяг в греки», в лице Православия могла претендовать на доминирующее влияние как минимум на Европейской части Метрополии, распад которой был предрешён.

В так называемый «домонгольский период» Христианство на будущей Руси как раз и развивалось по оси «из варяг в греки». Под руководством Рюриковичей шло активное строительство храмов и монастырей. Особенно это наглядно демонстрируется в почитании Святой Софии. Храмы, посвящённые ей, мы прослеживаем по всему эзотерическому пути «из варяг в греки» – в Новгороде, Полоцке, Смоленске, Киеве, Софии и Константинополе. Да и сложно представить, чтобы «трёх дочерей мудрости – Веру, Надежду и Любовь» могли искренне почитать на территориях с неславянской семантикой. В одном из самых древних литературных памятниках в «Слове о законе и благодати» написанном митрополитом Иларионом (поставленном в 6559 г. (1051 г.) Ярославом собором епископов в Киеве в храме Св. Софии), не только легендаризируется становление Христианства при Св. Владимире, но и сама Русь осмысливается в контексте Нового Завета как освящённая Христовой Благодатью. Не исключено, что упомянутое «Слово...» могло быть написано в более поздний период (датировка приводится согласно Ипатьевской летописи), но возникновение информационного потока «Вселенской Миссии» и «Божьего Промысла» по отношению к будущему национально ориентированному государственному образованию «Святой Руси» не заметить не возможно.

Отметим, что в формировании будущего крупного национального государства с сакральным устройством в первую очередь была заинтересована иерархия Православной церкви, а во вторую очередь – сама «Орда». Приведём цитату из «Истории русской церкви» А.В. Карташёва: «... русская церковь под монгольским владычеством оказалась в столь сравнительно счастливых условиях для своего существования, что при дальнейшем изложении её истории нам почти не придётся и упоминать о её зависимости от татар положения: исторический процесс развития её внешних и внутренних отношений шёл своей обычной, свободной дорогой».

В «монгольский период» духовенство было полностью исключено из податных переписей. Опять уместно процитировать А.В. Карташёва: «О самом Батые древняя история монголов передаёт, что он, как и его дед не исповедовал никакой религии, не принадлежал ни к какой секте, а поклонялся только *единому Богу, то есть был типичным монголом-язычником* (выдел. автором). Поэтому после завоевания Руси он не счёл нужным каким-нибудь особым законодательным актом утверждать права и положение православной церкви в русском государстве: с его стороны само собою разумелось, что с момента завоевания Руси в ней вступает в силу органический закон всей монгольской империи, по которому церковь должна оставаться свободной». При ближайшем преемнике Батыя хане Берге в ханской столице Сарае была учреждена епископская кафедра Православной Христианской Церкви, «... хан Менгу-Тимир (1266-1281 гг.) за-

мечателен тем, что первый выдал русскому духовенству ярлык на имя митрополита Кирилла». «Узбек ввёл на некоторое время в практику закон, по которому от всякого вновь восходящего на престол хана митрополиты должны были получать и новый ярлык, как бы в виде инвеституры...». Известны сведения получения ярлыков митрополитами Феогностом, Алексием (дважды), а последний ярлык наречения митрополитом получил Михаил (Митяй) в 1379 г. от хана Атюляка (прим. автора – накануне Куликовской битвы).

Таким образом, анализируя достаточно скудные исторические сведения о руководстве «Ордой» конфессиональными процессами на контролируемых континентальных территориях, можно сделать достаточно уверенный вывод о планомерной деятельности по формированию здания Христианской Церкви на всей части Метрополии, на которой она получила «естественное» распространение. Опять вспомним А.В. Карташёва: «Монгольские ханы были настолько щедры в данном отношении, что не только утверждали весь *status quo ante*, но и даровали от себя церкви ещё больше прав, чем власть прежняя, национальная». Было бы справедливо также отметить аналогичное отношение «Орды» и к Исламу, о чём мы можем судить по сведениям правления Узбека, Тамерлана (Тимура), Бабур и его внука Акбара (династия Великих Моголов), а также многих других.

В практическом плане существовавшие конфессии в «Орде» выполняли роль религиозно-идеологических органов («комиссариатов») и, естественно, не могли с одной стороны не контролироваться свыше, но и не имели права, с другой стороны, конфликтовать друг с другом. Поэтому, митрополитство, утверждавшееся в «Орде», распространяло своё влияние на всю территорию Христианства в Метрополии, а также взаимодействовало со средиземноморскими представительствами Христианства, организованными в виде патриаршеств. Основная задача патриаршеств, как представляется в то время, состояла в выполнении «научно-педагогической миссии», заключающейся в сохранении и приумножении знаний Сакральной Традиции, закрепления их в виде кодирующей письменности, а также подготовке кадрового резерва для митрополии, включая многочисленные формирующиеся епископаты. Поэтому, когда мы в исторических хрониках встречаем случаи «поставления» на церковную должность присланного из патриархии очередного «грека», то можем рассматривать этот факт как распределение «специалиста-жреца» после окончания профессиональной подготовки.

Как мы уже упоминали, с середины XIV века высшая иерархия Константинопольской Православной Церкви начала реализовывать концепцию создания нового Православного Царства. В самом Константинополе это отразилось победой партии зилотов и укреплением патриаршей власти как представителей исключительно чёрного духовенства. По отношению к Руси, которая являлась органической частью «Орды», патриархия «методом проб и ошибок» пыталась установить кадровый и концептуальный контроль ко всей митрополии. Необходимо отметить, что существовавшие в

ту эпоху недостатки системы управления Митрополией способствовали их успехам. Главная проблема управления состояла в периодически изменяющемся центре руководства, т.е. «Великом Княжении». Так называемая удельная раздробленность Руси, была ничто иное, как кадровая конкуренция между князьями в состязании за должность «главного мытаря». В случае неудачи в занятии соисканной должности, в уделах начинали реализовываться материально-сепаратистские амбиции. С глубокой скорбью отмечаем, что недостаток в компетентных государственно мыслящих руководящих кадрах существовал и в те далёкие времена.

Первым человеком с сакральным именем «~~Фило~~Фий», оказавшим непосредственное влияние на формирование будущего священного царства, был Константинопольский патриарх, дважды занимавший этот престол (1353-1354 гг., 1364-1376 гг.). Перед ним стояли сложные задачи, попробуем перечислить основные – способствовать распаду «Орды», не только сделать прогноз, но и попытаться выявить перспективную династию из Великих Князей для выполнения миссии по строительству царства, определить политику развития митрополии Руси в традициях чёрного духовенства с сохранением метафизической герметизации сакральных знаний. Напомним, что сам патриарх Филофей был не простым монахом, в одно время даже был настоятелем монастыря Большая Лавра на Афоне, поддерживал Григория Паламу в его богословской борьбе. Именно как патриарх, Филофей окончательно оформил «паламизм» как общемировое явление, что выразилось в канонизации Паламы (в 1368 г.), составлении в его честь службы, включенной в богослужебные книги в качестве литургии совершаемой во второе воскресенье великого поста. Филофей был также автором большого количества литературных текстов, включающих не только осуждение томистского варианта антипаламизма, но и также систематизирующих литургическую практику, которая была принята, в том числе, и в славянских землях.

Для охарактеризования политики патриарха Филофея уместно будет процитировать протоирея Иоанна Мейендорфа («Византия и Московская Русь. Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке»): «... поскольку политическая ситуация на Руси менялась быстро, Филофей провёл необходимую дипломатическую реорганизацию, показав, что даже поддержка Москвы, которая составляла основу внешней политики Кантакузина, не является сама по себе целью, но, скорее, служит инструментом для сохранения целостности митрополии под контролем Византии, и что московские интересы следует сдерживать, если они вступают в противоречие с высшими интересами византийского государства». Иногда передел интересов достигал немислимых результатов, так, например, к концу 1375 г. русская митрополия была искусственно разделена на три части: Галицкую, Киево-Литовскую и Владимиро-Московскую. Вспомним, что именно к этому времени митрополитом Алексием, крестником Великого Князя Ивана Даниловича (Калиты) и ставленником «Орды», а не Константинопольской патриархии, был воспитан в регентстве Великий Князь

Дмитрий Иванович (впоследствии – Донской), который не просто усилил Московскую часть Руси, а стал одним из крупных руководителей самой «Орды». Таким образом, Русская часть митрополии вместе с землями были подготовлены к разделу по оси «из варяг в греки», что непосредственно и стало происходить после знаменитой Куликовской битвы, в которой силы Великого Князя литовского Ягайло (Ольгерда ?, 1341-1380 гг.) и гелуэзской олигархии потерпели сокрушительное поражение. Апофеозом неоднозначности данной политики стал брак литовского князя Ягайло с польской королевой Ядвигой в 1386 г., в результате которого были соединены Литва и Польша, и который привёл на земли эзотерического пути «их варг в жрецы» католичество в качестве государственной религии.

Сегодня бессмысленно давать этическую оценку политикам той эпохи, т.к. многие исторические события и их интерпретация достаточно виртуальны, а результаты передела Митрополии спорны в связи с разнообразием интересов наследников самой «Орды». Однако, анализируя существующие информационные потоки можно сделать вывод о последовательной бескомпромиссной позиции высшей иерархии Православной Церкви. Выбор ими был сделан – Московская Русь во главе с Рюриковичами. Наследники патриарха Филофея предприняли все усилия чтобы перехватить у «Орды» традицию назначения митрополитов на Руси. Это отражается в событиях связанных с сомнительной кончиной патриарха Михаила (Митяя) по пути к Царьграду в 1379 г. и в хорошо организованной церковной смуте с продвижением нелегитимного митрополита Пимена (1379-1389 гг.). Только после смерти Дмитрия Донского новым Князем Василием Дмитриевичем (1389-1425 гг.) на Руси был принят митрополитом Киприан. Необходимо отметить, что путёвку в большую политику иеромонаху Киприану дал ещё в 1373 г. сам патриарх Филофей, который заметил молодого сторонника исихастского движения в бытность своего пребывания на Афоне между патриаршествами.

В деле реформирования монастырской жизни на Руси патриарх Филофей также проявлял незаурядные таланты организатора. Дело в том, что в то время в монастырской жизни преобладали не простые монахи, а воины-иноки. При описании этого явления мы согласны с версией А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского («Русь и Рим») говорившей о том, что монастыри являлись общежитиями воинов отставников «Орды». Естественно, что при таких монастырях с уникальными учителями-практиками и молодые монахи обучались военному делу. Не случайно два знаменитых схимонаха Ослябя и Пересвет вошли в историю как великие воины на Куликовской битве. Конечно, трудно представить аналогичные монастыри в самой Византии или на Афоне. Поэтому одной из главных задач патриарха Филофея была такая перестройка основ монастырской жизни, которая бы позволила органично вписать в русскую духовную жизнь исихастские технологии. Существует устойчивая легенда, изложенная в «Житии...» Сергия Радонежского о том, что после того как слава о его подвижнических подвигах дошла до Константинополя, то сам патриарх Филофей прислал Преподоб-

ному крест, параман и схиму в благословение на новые подвиги, Благословенную грамоту и советовал избраннику Божию устроить общежительный монастырь. Именно с Сергия Радонежского, Дионисия Суздальского и митрополита Киприана мы и наблюдаем начало монастырской реформы на Руси, в результате которой они действительно со временем превратились в уникальное явление подвижничества и создали основу для сохранения и развития метафизики Православия.

Таким образом, вектор целей для будущего русского Московского государства был сформулирован во второй половине XIV века и неуклонно претворялся в жизнь. Так уже внук Дмитрия Донского Великий Князь Василий Васильевич и Собор русских епископов 15 декабря 1448 г. поставили «митрополитом на всю Русь» наречённого на этот пост Рязанского епископа Иону. Можно с полным правом констатировать, что именно эта дата возникновения нового центра кристаллизации сил и исторических процессов и является не только началом провозглашения автокефальности Православной Церкви на Руси, но и началом официального развала самой «Орды». С этого момента Московская Русь перехватила инициативу в процессах управления на христианских просторах Метрополии и встала на путь прекращения конкурсной междуусобицы среди Рюриковичей. В свою очередь Православное Христианство, даже, несмотря на сокращение внешних пределов русской церкви, было идеально административно вписано в национально ориентированное государственное образование. Можно констатировать, что это был первый случай в мировой истории начала строительства нового типа государства вне имперских амбиций – царства.

Обратимся вновь к одному из уникальных литературных памятников Руси той эпохи - произведению Симеона священноинока Суздальского «Слово ... великому князю Василию Васильевичу всея Руси». Снова цитируем А.В. Карташёва: «В состав «Слова» входит: 1) Симеонова «повесть» о Флорентийском соборе и сопровождавших его в Русской Церкви событиях; 2) сказание о латинах и их ересьях и 3) похвала великому князю Василию Васильевичу как доблестному защитнику православной веры, с известием о поставлении митрополита Феодосия. Из приведённого общего указания содержания «Слова» видно, что составляющая конечную цель его аргументация ведётся здесь дипломатическим путём: косвенно и издалека; она опирается на следующие идеи: а) русское православие есть большее и высшее, чем греческое; б) русский народ призван занять первенствующее положение в православном мире вместо греков; в) русский государь должен заступить в православной церкви место византийского императора... Симеон Суздалец в своей «Повести» уподобляет Василия Васильевича не только его прародителю св. Владимиру, но и самому равноапостольному великому царю Константину, «сотворившему православие», за мужественное отвержение митрополита Исидора. За это он называет Василия Васильевича «благочестивым и христоролюбивым, и благочестивым, истинным православным великим князем, божьим царём всея Руси, самодержавным».

Итак, идея священного царства была сформулирована, провозглашена была преемственность в управлении сакральными процессами и территориями христианской части Митрополии. Политические цели существенно начали опережать духовные, а русская церковь стала принадлежать только провозглашаемому царству. Все виды зависимостей митрополии от «Орды» или научно-педагогического центра Константинопольской патриархии были уничтожены и остались лишь в виде легенд и преданий. Древняя Великая Сакральная Традиция трансформировалась в идеологию «христианского белого царства» и стала неотъемлемой частью политики Русского государства на долгие столетия.

После первого «христианского белого царя» Василия Васильевича его достойным преемником в деле строительства «единого свободного христианского царства» стал Иван III Васильевич (1462-1505 гг.). Неторопливо, мудро и поступательно Великий Князь укреплял Московское государство и принадлежащую ему митрополию. В 1462 г. при его покровительстве собором епископов митрополитом был избран Суздальский епископ Филипп (1464-1473 гг.) и уже в 1471 г. совместными усилиями была сломлена вольница Новгорода со своими специфическими церковно-политическими особенностями. В 1472 г. состоялся второй брак Ивана III с племянницей последнего Византийского императора Константина XI Зоей Палеолог. Безусловно, этот брак со всех сторон был задуман как политический. Перечислим официально провозглашаемые причины данного брака. Со стороны Римского папы и Католической церкви, а так же западноевропейского торгового капитала, возникали предпосылки вовлечения Русского государства не только к крестовому походу против турок за «Константинопольское наследство», но и возможность перспектив униатского объединения церквей под эгидой Рима. Со стороны самодержца и московской митрополии расчёт на приобретение родства с византийским домом на официальном уровне озвучивал легенду повышения международного престижа и авторитета великокняжеской власти внутри страны.

Не будем оспаривать перечисленные причины, только попытаемся дополнить их иной логикой. Распад Митрополии к тому времени наметился, но ещё в окончательном виде не состоялся. Турция являлась неотъемлемой частью «Орды» и одной из наследниц древней Сакральной Традиции. Противостояние на межгосударственном уровне между Христианством и Исламом среди наследников распадающейся «Орды» не было острым и носило больше характер «внутренних» неурядиц. Торгово-экономические традиции континентальной цивилизации преобладали над аналогичными на морских просторах. В число первоочередных задач входила только одна – перехват информационных потоков. Успех в будущем разделе Митрополии решал единственный фактор – кто в большей степени овладеет метафизическим наследием Сакральной Традиции.

В этом состязании за древние знания несомненное преимущество было на стороне Православия. Перечислим основные причины, сложившиеся к тому времени:

- так называемая «церковно-славянская кириллическая письменность» отражала достаточно в большой степени глубинную семантику тогда ещё единого славяно-тюркского языка состоящего из огромного количества наречий;

- арабский, как основной конфессиональный язык более позднего по времени формирования Ислама, нёс информацию соответственно более поздних информационных слоёв, в т.ч. и созданных концепций «первого и второго Римов»;

- в Православии управление информационными потоками шло одновременно как на уровне светской власти, так и на уровне – духовной;

- в Исламе существенно преобладал уровень светской власти, что делало уязвимой передачу сакральных знаний по наследству.

Отметим сходство православного и исламского мировоззрения в обустройстве и традициях выживания на общинно-родовом уровне.

Таким образом, в формировании Московского государства настал этап восприятия руководством сакральных знаний древних традиций и истоков к тому времени часто переписываемого прошлого. Как мы уже убедились ранее, высшая иерархия Православной Церкви осознанно вела политику консервации и сохранения метафизических знаний в общинно-жительных монастырях и активно участвовала в строительстве национально ориентированного Православного царства. Поэтому, брак московского царя с наследницей династии Палеологов – носителей «древнего слова», был не простым расчётом, а единственно верным в создавшихся условиях шагом в объединении информационных потоков в одной семье. Не случайно Зое Палеолог при вторичном православном крещении при въезде на Русь перед свадьбой дали имя Софии – Мудрости. Именно в этом качестве её и воспринимали в Москве. Основным приданным Софии, помимо семейных реликвий (артефактов), являлась большая библиотека, которая по одному преданию послужила началом будущей патриаршей библиотеки на Руси, а по другому – стала составной частью знаменитой пропавшей библиотеки Ивана IV Грозного. Сегодня сложно судить о составе этой библиотеки, рукописных документах и их языках написания, можно лишь с уверенностью утверждать, что именно этот информационный багаж и стал основой для корректировки курса построения уже не Московского, а Русского Царства.

Иван III поступательно укреплял свои владения. В 1474 г. им было выкуплена половина Ростовского княжества и заключён дружественный договор с крымским ханом Менгли-Гереем. В 1479 г. от Софии родился будущий Великий князь Василий III Иванович. А в 1480 г. произошло событие на реке Угре, которое формально признало суверенитет Московского Царства от «Орды». Данный момент истории интерпретируется весьма нелогично. Якобы хан Ахмат организовал нашествие на Москву. На берегах реки Угры (Калужско-Смоленский край) сошлись две армии, поугали друг друга внешним видом, возможно, что и через парламентариев, стояли немного и разошлись в разные стороны. Великое стояние окончилось «миром». Интересно вспомнить, что это было не первое «стояние на

реке Угре» в отечественной истории. Например, в 1408 г. там же противостояние Великого княжества Литовского (Витовта) и Великого княжества Московского (Василия I) закончилось заключением «вечного» мира, который продлился до 1492 г.

Изложим собственную версию событий. С периода Дмитрия Донского, а может быть и ранее (с Ивана Калиты ?), Московская Русь и её руководители являлись составной частью «Орды». Так называемые путешествия в ставку «Орды» представляли из себя участие в общих сходах руководителей континентальных просторов, на которых они согласно сложившимся традициям решали вопросы координации действий, материального содержания органов управления, расстановки кадров на местах, вопросы сватовства между родами и многое другое. Естественно, что на подобные встречи практически всегда ездили «первые лица» и они имели с собой не только солидные подарки коллегам по структуре управления, но и соответствующее силовое сопровождение (дружины). Весьма вероятно, что периодически на этих сходах бывали несогласия, вследствие которых кто-то со своей дружиной не возвращался домой, а победитель «диалога» оказывался обременённым дополнительными властными полномочиями и территориями. Кадровые вопросы во все времена были спорными, а конкуренция между соискателями должностей протекала по правилам, которые не озвучивались для широких слоёв общественности. Эти же особенности распространялись и на достигнутые в результате «саммитов на высшем уровне» договорённости. Если же кто-нибудь использовал отсутствие «хозяина» в его княжестве и нападал на него, то жестокие карательные санкции общества против нарушителя традиций не заставляли себя долго ждать. Когда боги собираются на Олимпе – никто не воюет. Также жестоко наказывались «руководители» нарушившие совместные договорённости, «убившие парламентёров», отказавшиеся от участия в совместном содержании структур управления (не уплатившим дань-налоги) и т.п.

Итак, живописное место на реке Угре традиционно использовалось в «Орде» в качестве «саммита на высшем уровне» руководителей (главных мытарей) больших территорий. Не случайно в анналах истории упоминается, что с ханом Ахматом прибыло около десяти «высокопоставленных» родовитых чингизидов. Но и Иван III на встречу прибыл не только с войсками. Он представлял уже целое царство со своей митрополией, историей и сакральным наследием. С таким авторитетным багажом можно требовать не только «автономности», но и признания лидерства среди иных преемников континентальных традиций. Не исключено, что последующие Великие князья Василий III и Иван IV не просто знали истинные итоги «стояния на Угре», но и воплощали принятые коллегией «Орды» решения в жизнь.

Давайте проследим, насколько стремительно реализовывались упомянутые решения. В 1485 г. к Москве были «присоединены» Тверь, Верея и большая часть Рязанского княжества. В 1487 г. в вассальную зависимость попало Казанское ханство, в 1494 г. в состав Московского княжества

вошла Вязьма, а в 1500-1503 гг. города – Новгород-Северский, Стародуб, Гомель, Брянск, Торопец, Мценск, Дорогобуж и другие. При Иване III были осуществлены три похода на Урал и в Сибирь (Югру) – в 1465 г., в 1483 г. и в 1499 г., к титулу Ивана III было добавлено – «князь Кондинский и Обдорский». Не отставало от светских побед и идеологическое сопровождение. Так, «... митрополит Зосима в 1492 г. В своём извещении о пасхалии на 8-ю тысячу лет он пишет: «и нынѣ прослави Бог – в праволавіи просіявшаго, благовѣрнаго и христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича, государя и самодержца всея Руси, новаго царя Константина новому граду Константина – Москвѣ... Посольский толмач Дмитрий Герасимов написал «Повѣсть о бѣлом клобукѣ», в которой превозносит церковный авторитет Руси и неизбежно вместе с тем и её политическое значение» (цитировано по А.В. Карташёву).

В 1497 г. произошло сразу два знаменательных события, которые уверенно свидетельствуют о реализации набирающего силу информационного потока строительства начальной стадии сакрального царства – идеократического государства. Первое – это принятие «Судебника», который определил множество процессуальных норм, ввёл состязательный характер рассмотрения дел, наметил черты розыскного и инквизиционного процессов, ввёл в судебную практику новый вид преступления – «лихое дело», как преступление против государства, определил статус «поместья» как особого вида условного землевладения, выдаваемого за выполнение государственной службы, а так же ввел «Юрьев день» (срок в течение которого осуществлялось право перехода крестьян от одного пользователя землёю к другому). Интересно отметить, что имущественные, семейные и иные проблемы жизненного уклада в судебник не вошли, т.к. они были вполне достаточно урегулированы силами обычаев и традиций.

Второе – двуглавый орёл впервые появился на оборотной стороне государственной печати. Оба этих факта синхронизируются во времени. Наличие сборника юридических норм свидетельствует о переходе на иной более качественный уровень руководства Русью – государственный. Новый смысл, видоизменяющий существовавшую традицию, несла и новая печать. На лицевой стороне изображен знак московских князей – всадник, поражающий копьем дракона (змея). На оборотной стороне – двуглавый орел, каждая голова которого увенчана короной. По существующим традициям геральдики лицевая сторона несёт информацию о том, кто именно владеет данной печатью, а оборотная – о том, какой страной управляет владелец печати. Таким образом, Московские князья не просто владеют своим княжеством, а декларируют идею руководства новым типом государственного образования.

Сегодня существует достаточно большой перечень интерпретации символики двуглавого орла – восток и запад, светская и духовная власти, знак византийской империи, семейный знак Палеологов, птица Феникс, совмещение двух разных начал, объединение двух царств и т.д. В истории русского государства в дальнейшем новый герб много раз видоизменялся и

имел разнообразные трактовки. Но отметим, что новый символ обязательно должен был нести в первую очередь священный смысл – осознанности сакрального лидерства. По имеющимся легендам двуглавый орёл встречается достаточно широко как территориально, так и хронологически. В большинстве случаев убедительной интерпретации древних изображений просто нет, а существующие трактовки чаще всего являются виртуальными и соответствуют пониманию того или иного исторического пласта.

В семантике родного языка слово орёл имеет смысл «всеобъемлющей речи (алгоритма процесса) исходящего от человека», т.е. руководителя, вождя или командира. Поэтому красивая и гордая птица под названием «орёл» стала символом многих управленческих династий. Но изображение двух голов у одной птицы может означать только процесс приёма и обработки информации из двух независимых источников, известных в метафизике как «Бытие» и «Сверхбытие». Совмещение в одном символе имманентного и трансцендентного уровней в виде двух голов также может быть понято как синхронизация процессов управления сознанием и подсознанием в одном индивиде, т.е. мы наблюдаем **внеконфессиональную систему обработки и трансляции сакральной информации**. Таким образом, изначально двуглавый орёл являлся символом светской власти руководимой «Свыше». В метафизическом плане мы говорим о тех утраченных в прошлом техниках восприятия сакральных информационных потоков, которые являлись основными в организации жизнедеятельности больших масс людей на континентальных просторах. Утрата или искусственная герметизация этих техник обусловила постепенный распад древней Великой Сакральной Традиции, вследствие чего потребовалось заново принести через Христианство Божье Слово на землю.

Не случайно двуглавый орел с расправленными крыльями, веерообразным хвостом и коронами на головах был обнаружен на мраморном рельефе V века, найденном в монастыре Святого Симеона на Афонском полуострове. Началом X века датируется рельеф из Ватопедского монастыря – с двуглавым орлом под двумя трехзубчатыми и над ними – большой митрообразной коронами. В Иверском монастыре имеется изображение орла, над головами которого короны, а между ними – цветок. Орел без корон изображен на наружной стене собора Хиландарского монастыря, построенного между 1275 и 1321 годами королем Сербии Стефаном II Милутином Урошем. Напомним, что Ватопедский, Иверский и Хиландарский монастыри занимают соответственно второе, третье и четвертые места в общей иерархии на Святой горе (Афоне). Таким образом, Афонские Православные монастыри являются единственным географическим и эзотерическим местом, где совмещены как внеконфессиональные техники древности, дешифрируемые через метафизику символики двуглавого орла, так и конфессиональные – в глубоко проникновенном духовном движении исихастов.

По ходу анализа становления идеократического государства при Иване III, необходимо осветить ещё один вопрос, который касается носи-

телей скрытых знаний. Вспомним, что вместе с Софией Палеолог прибыло много сопровождающих лиц несущих открытые знания. Достаточно просто перечислить архитекторов Аристотеля Фьораванти, Марко Руффо, Алевиза Фрязина, Антонио и Петро Солари, благодаря которым мы имеем счастье любоваться Грановитой палатой, Успенским, Благовещенским и Архангельскими соборами. Но в Москве осели также и люди, имеющие весьма специфические знания и навыки. Вспомним только троих – Иоанна Палеолога Рало, Фёдора (Теодора) Ласкариса и Дмитрия Траханиота. Каждый из них вносил свой вклад в строительство нового царства. Особенно хочется отметить представителя династии Ласкарисов. Именно в этой династии хранились знания по семантике «греческого» языка. Так, например, Константин Ласкарис (1434-1501 гг.) был в Италии назван «отцом греческой науки», преподавал греческий язык в Мессине, является автором первой печатной греческой книги. Его брат Андрей Иоанн Ласкарис (около 1445-1535 гг.) преподавал во Флоренции, а затем в Париже, был видным филологом и философом, в Западную Европу вывез много рукописей, в т.ч. из Афона, был учителем и покровителем Максима Грека. В очередной раз убеждаемся в простой управленческой истине, которая гласит, что о руководителе можно судить не только по его делам, но и по его свите. Штат консультантов и помощников у Ивана III был впечатляющим.

В конце XV и в начале XVI столетия в церковных и царских делах прослеживается серия мощнейших событий.

Первое событие – венчание в 1498 г. на великое княжение Московское внука Ивана III Дмитрия Ивановича и объявление его соправителем деда. Обращаем внимание на следующие особенности венчания: внук Дмитрий являлся наследником великий князей как Московских, так и Тверских; символом передачи династических прав являлась «Шапка Мономаха» имеющая ордынское происхождение, но символизирующая якобы византийскую преемственность; Дмитрий Иванович был провозглашён «великим князем московским и всея Руси». Таким образом, в одном только факте «венчания» (не коронования) молодого соправителя было переплавлено несколько информационных потоков дающих совокупный прецедент формализации лидерства.

Второе событие – составление Геннадиевского свода (Геннадиевской Библии) к 1499 г., что означало появление текстов Ветхого Завета в информационном поле митрополии Руси. Несмотря на то, что фрагменты ветхозаветных идиологем проникали в Московию и раньше, системной работы с текстами не велось, т.к. полных вариантов Ветхого Завета на греческом языке не было и поэтому пришлось многие «древние» книги переводить с латыни. Интересно отметить, что Геннадиевская библия опередила почти на полвека появление и канонизацию своего латинского аналога – Вульгаты, произведённую на Тридентском Соборе. Да и после составления Геннадиевского свода, он был долгое время доступен только приближённым к высшей иерархии церкви. Это, безусловно, характеризует не только исключительный приоритет развития на Руси Православного Христианст-

ва в Новозаветном духе, но и объясняет факт слабого восприятия народным сознанием идеологии не только законов Моисея, но и так называемого «римского права». А для руководства Церкви свода Геннадиевской Библии вполне хватало как для богословской просветительской деятельности, так и для внутрицерковной борьбы с еретиками.

Третье событие – выявление ересей и бескомпромиссную борьбу с ними, мы можем рассматривать как объективный этап организационного построения здания церкви. Ничто так лучше не сплачивает общность людей, как борьба с «внутренними и внешними врагами». Поэтому ересью считалось всё, что мешало или не способствовало укреплению церковной иерархии. В так называемый информационный поток «ереси жидовствующих» были искусственно объединены три направления мировоззренческой мысли. Первое – «ветхозаветное» иудаизма носило скрытый весьма ограниченный сектантский характер. Мысль о том, что Мессия ещё не пришёл и Христос не воскресал, а, следовательно, обязателен Ветхий Завет с законом о единстве Божества, а не Новый, не могла умириться с православным мировоззрением Святой Троицы. Поэтому опасность представляли не иудеи сами по себе, а исходившие из их среды и входившие в моду магия, чернокнижество и звездочётство (астрология). Это второе направление новой мировоззренческой мысли представляло большую угрозу для консолидации общественного сознания. Отрыв от Сакральной Традиции, иные нормы жизненного уклада, которые создавало новое строящееся царство, а так же отсутствие соответствующему времени светского и духовного образования, создавали все предпосылки для мировоззренческой дезориентации людей. К сожалению, руководство церкви предпочитало не просветительские методы, а отдавало приоритет инквизиторскому опыту Западной Европы. Третье направление борьбы с ересью представляло собой весьма специфический диалог между осифлянами и нестяжателями. При этом историю вопроса начинали вести не от евангельской нестяжательности, а от движения стригольников второй половины XIV века. Сегодня после прошествия нескольких столетий хочется отметить некоторые положительные моменты идеологии стригольников. Это – критика «симонии» (коррупции при занятии церковных должностей), сознательное принятие Христианства во взрослом возрасте, открытая праведная жизнь в «миру» общины и выбор духовников из среды самой общины среди людей, которые доказали право на всеобщее уважение своим образом жизни. Интересно отметить, что все перечисленные критерии сохранялись в виде традиций в православном донском казачестве вплоть до XIX века. Что касается спора, лидерами которого были Нил Сорский и Иосиф Волоцкий, то, как таковой, борьбы-то и не было. Старец Нил Майков безусловно олицетворял русское исихастское движение, великое подвижничество и духовный подвиг которого достойны не только уважения, но благодарной памяти потомков. Воспринятые им на Афоне идеи Григория Паламы, канонизированного патриархом Филофеем, а также освоенные техники исихии, вступали в противоречие с формальным богословием книжников-начётников. Что же

касается нестяжательства последователей Нила Сорского, то оно не отрицало актуальности построения церковной иерархии, а лишь указывало на недопустимость обязательности ввода платных услуг, сбора доходов с монастырских вотчин и коррупции при занятии должностей. Но другого способа материального благополучия церкви предложено в то время не было. Поэтому при подавляющей поддержке большинства церковных имений и Великого Князя Василия III Ивановича (1505-1533 гг.) курс, провозглашаемый Иосифом Волоцким, на самостоятельное обеспечение (кормление) иерархии одержал тихую и уверенную победу.

Четвёртым событием являются широко известные литературные памятники «Послание о Мономаховом венце» Спиридона-Саввы и созданное на его основе «Сказание о князьях владимирских». В этих литературных произведениях в логической последовательности даётся библейская родословная человечества после всемирного потопа, рассказывается о происхождении великого завоевателя Александра Македонского и излагается легенда о замужестве мудрейшей египетской царицы Клеопатры за Антонием. В части римской истории особое внимание уделяется всемогущему Августу, который посадил на правление в бассейны рек Висла и Неман (впоследствии Прусскую землю) своего родственника Пруса, потомком которого и является князь Рюрик прибывший во времена новгородского воеводы Гостомысла и происходивший таким образом «от рода римска царя Августа». Далее потомок Рюрика Владимир Мономах из своего похода на Царьград привёз полученный от византийского императора символ легитимности династических прав – «Мономахов венец». В части приоритета родословия тверских и московских династий «Послание...» и «Сказание...» имеют расхождения, но после акта венчания Дмитрия Ивановича в 1498 г. историческое мифологизирование было монополизировано Москвой.

Здесь необходимо акцентировать внимание на следующих моментах. Во-первых, к этому времени хроники виртуального «I Рима» и частично виртуальной и частично географической «Византии» в грубой своей схеме были созданы и широко известны. Во-вторых, так называемая «Прусская земля» являлась западной частью географического пути «из варяг в греки». Семантически слово «Пруссия» по набору трёх корневых согласных является синонимом «Персии» («одухотворение (оживление) воспринимаемым словом»), что свидетельствуют о векторах (направлениях) распространения Слова на континентальных просторах. В-третьих, именно во времена правления императора Августа на землю принёс Божественное Слово Христос. В данном случае, ключевую подсказку для понимания скрытого сакрального смысла легитимности происхождения «августейших особ» опять может дать семантика родного языка, согласно которой слово «августъ» обозначает – «ведающий свыше и направляющий (в поток, русло) действия слова творящего». Таким образом, «август» – это определённая функциональная задача, которая в приложении к человеку может являться сакральной должностью, а к названию части календарного года или исто-

рического периода – функцией реализации. Блестящий информационный ход – связать воедино общепринимаемую виртуальную историю, зарождение Христианства на пути «из варг в жрецы» и легендаризировать сакральную преемственность светской власти. Исходя из изложенного, в очередной раз получаем свидетельства об имеющихся закрытых знаниях в Московской Руси касающихся истоков истории континентальной цивилизации.

Пятое событие связано с сакральным именем (должностью или званием) «~~Филоф~~Фий». В данной статье мы уже второй встречаемся с этим именем. Патриархом Филофеем был начат информационный проект по развалу «Орды» и строительству нового типа сакрального государства – православного царства. Символично, что окончательно выверенные формулировки констатирующие идеологему «Москвы как III Рима» принадлежат старцу (игумену ?) псковского Елеазарова монастыря Филофею (ок. 1465-1542 гг.). В своих посланиях представителю московского князя в Пскове дьяку Мисюрю Мунехину, Великим князьям Василию III и Ивану IV он излагает идею Бога как движущей силы истории. Предыдущее греческое царство было наказано за предательство веры, католики согрешили, отпав от православия, «души их дьяволом пленены из-за опресноков». Только «нынешнее преславное царствование пресветлейшего и высокопрестольнейшего государя нашего, который во всей поднебесной единый есть христианам царь и сохранитель божиих престолов, святой вселенской апостольской церкви, возникшей вместо римской и константинопольской и существующей в богоспасаемом граде Москве, церкви святого и славного Успения Пречистой Богородицы, что одна во вселенной краше солнца светится. Так знай, боголюбец и христоролюбец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, и это – русское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвёртому не бывать».

Анализируя «послания Филофея», хочется акцентировать внимание на следующих моментах:

- процесс мировой истории ограничен эсхатологическим пределом – Страшным судом, а на русских людей возлагается миссия соблюдать и защищать истины Православия до конца мира;

- Москва является духовным центром всего Христианства как «новый град Константина», основной задачей царства является защита веры и церкви Христовой;

- в отличие от ветхозаветных пророчеств, говоривших о четырёх царствах перед концом света, именно «III Рим» является последним царством;

- концепция «Москва – III Рим» не претендовала на признание в качестве официальной политической государственной идеологии, а имела характер скрытого концептуального управления светской властью как выражение сакрального предназначения;

- ссылаясь на апостола Павла, используется несуществующая в официальной церковной литературе формулировка «Рим – весь мир», которая

имеет исключительно скрытый семантический характер и подтверждает знание Филофеем виртуального представления Рима как реализации «мыслеформ», т.е. функции управления, в нашем случае символизирующей победу Христианства в виде обращения «столицы мира – Рима» (именно этот подвиг согласно преданиям совершил апостол Павел);

- сам монах Филофей был сторонником победившего «осифлянства» и владел исихастскими техниками, о чём свидетельствуют строки «огонь невещественный, неведомый, переносимый ангельскими неведомыми силами», т.е. умел работать с сакральными информационными потоками.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в недрах Православной Церкви была рождена и претворена в жизнь на Руси концепция Православного царства. Эта концепция является логическим этапом сохранения метафизики древней Сакральной Традиции после распада континентальной цивилизации. Славяно-тюркское языковое сообщество приняло идею утверждения Божией правды в качестве основного предназначения православного государства воплощённого в народном идеале «Святой Руси». Мировое зло символизирующее «Антихриста» приобрело в сознании людей образ отрицания Сакрального Слова Несущего Благодать Света Правой Веры. Осталось только дожидаться воцарения богоизбранного государя, под руководством которого праведная жизнь воплотится на земле и «золотой век» повторится. Именно этой духовной парадигмой объясняется кредит доверия народа «власть придерживающим» и не надо удивляться, что в нашей истории только руководителям, обладающим метафизическими знаниями и реализующими их на благо нации, было под силу объединять людей в критические минуты для страны и приводить к победам. Необходимо отметить также и факты самоорганизации людей и формирования ими своих лидеров. Сила Руси – в Вере в светлое будущее, потому что оно было в прошлом и сохранилось в памяти в виде глубинной Традиции Праведной жизни. Мы не богоизбранный народ, мы народ – Богоносец! Великие свершения достижимы не под руководством людей «говорящих» от имени Бога, а под руководством людей живущих и действующих по Божественному предназначению.

Воцарение богоизбранного государя произошло 16 января 1547 г. Акт церковного венчания с принятием титула «боговенчанного царя» совершённый митрополитом Макарием над Иваном IV (1530-1584 гг.) ознаменовал восприятие на великокняжеском московском уровне понимания сакрального предназначения Руси. Сегодня, по прошествии нескольких веков с тех времён, трудно получить полное представление о правлении первого на Руси царя. Парадокс, но о временах правления Ивана III мы имеем более полное представление, чем о его внуке. Информация зачищена основательно и заменена легендами и мифами, не имеющими подтверждения. Давайте просто перечислим события, которые произошли при Иване IV и которыми мы имеем полное право гордиться.

После венчания на царство митрополитом Макарием в 1547 г. был созван церковный Собор с целью канонизации русских угодников. Эта ра-

бота была закончена на другом Соборе в 1549 г., в результате которой было провозглашено 39 святых, из которых 17 были проставлены впервые, 30-ти было установлено общерусское празднование, а 9-ти – местное.

В 1549-1550 гг. общественности был представлен новый «Судебник», первый в истории нормативно-правовой акт, провозглашённый единственным источником права! Что-то не похоже на «самодержавие». Общегосударственная направленность «Судебника» выражалась в ликвидации судебных привилегий удельных князей, усилении роли центральных судебных органов, были введены приказы – система централизованного управления, просуществовавшая до Петра I. Была ограничена власть наместников и волостелей, они не могли судить без участия выборных от населения: дворского, старосты и лучших людей крестьянской общины. Фактически впервые в юридической мировой практике был введён «суд при сяжных». Наместники не могли взять под стражу крестьянина без согласия общинных выборных людей. Расширялись права служивого сословия, был запрещён переход их в кабальное холопство, регламентировались взаимоотношения между землевладельцами и зависимыми крестьянами. Так называемый «Юрьев день» получил более широкое толкование. Помимо подтверждения права перехода крестьян, определялось, что кроме платежа за «пожилое» и за «повоз», других пошлин быть не может и землевладелец, при уплате их крестьянином, не имел права его удерживать. Закон закреплял за крестьянскими общинами право самоуправления, раскладки податей и надзора за порядком. Так называемая «губная реформа» соответствовала исконным традициям общинного хозяйствования и создавала «запас прочности» государства на «уровне местного самоуправления». Можно также констатировать, что без этих реформ вряд ли было бы возможным окончание «смутного времени», когда провинция самоорганизовалась, навела порядок в стране и избрала новое руководство (1612-1613 гг.).

В 1549 г. Иваном IV был созван впервые в истории Руси Земский Собор с широким представительством всех слоёв общества. На нём царём был предложен новый «Судебник» справленный «по старине» и объявлено представителям общин об обязательности выборов по всем городам, пригородам, волостям и даже в частных владениях бояр и других землевладельцев – старост, целовальников, сотских и дворских. Важное место в составе Собора занимало духовенство, земские соборы февраля-марта 1549 г. и весны 1551 г. одновременно были и церковными соборами. В ряде случаев в соборах принимали участие только митрополит и представители высшего духовенства. Заложённая царём традиция созыва земских соборов просуществовала до конца XVII века.

В январе-мае 1551 г. в Москве состоялся знаменитый «стоглавый собор», который «подверг пересмотру все стороны русской церковной жизни, чтобы очистить её по возможности от всех недостатков. Он составил ряд исправительных предписаний относительно епархиального управления, епархиального суда, жизни высшего и низшего духовенства, монаше-

ствующих и мирян» (цитировано по А.В. Карташёву). На Соборе были закреплены устоявшиеся своеобразные черты православной обрядности и догматики на Руси, которые получили название «церковная старина». Одним из результатов Собора можно считать приостановление развития стяжательства церкви.

К середине XVI столетия в информационном потоке Руси приобретает широкую известность литературное произведение под названием «Домострой», приписываемое протопопу Сильвестру, духовнику Ивана IV. В состав книги входят советы по жизнеобеспечению крупной усадьбы, включающие религиозно-нравственные, социально-общественные, семейные, хозяйственные и другие вопросы. Рекомендуемый свод поучений феноменален на общем фоне средневековой мировой литературы. Фактически мы наблюдаем лексически выверенные обобщённые традиции многовекового уклада крупных семейств (родов), в которых есть место даже для погорельцев и сирот, обязанности по отношению к которым жестко прописаны их зажиточным родственникам. А некоторые правила санитарно-эпидемиологического благополучия соответствуют требованиям XXI века.

Несколько слов необходимо сказать о мифологизированной «опричнине». Снова цитируем А.В. Карташёва: «Эти термином в древнерусском юридическом языке обозначались уделы княгинь-вдов. И в настоящем случае царь выделял для себя из всего государства обширный удел, который, начиная с г. Москвы, чресполосно прорезывал всю государственную территорию в её главнейших направлениях». Иными словами, опричники – это государевы слуги, по отношению к которым, включая их семьи, царь, таким образом, решал вопросы их содержания. Безусловно, отнятие надделов у монастырских вотчин или у крупных землевладельцев не радовали бывших хозяев и их наследников, которые всеми правдами и неправдами пытались этому противостоять. Кровь проливалась со всех сторон не только в пресловутые годы «опричнины», а практически до момента сжигания «разрядных книг» Романовыми. Отдадим должное Ивану Грозному – он не скупился при оплате честной службы государству и строго карал все проявления несогласия.

Сакральное позиционирование царя хорошо описал С.В. Переверзенцев (2001 г.): «... только он Иван IV, является истинным самодержцем Российским, ибо так повелел Господь. Поэтому даже не он, грешный человек, правит государством, а сам Господь через него проливает на Россию свою Благодать. Личность же Ивана Грозного в таком мироощущении становится единственным посредником между Господом и русским народом, а то и всеми земными народами». Сегодня анализируя информационные потоки тех времён, можно уверенно утверждать, что Иван Грозный был одним из тех редких руководителей страны, которые не только обладали скрытыми метафизическими знаниями, но и искренне исполняли своё священное предназначение.

В данном случае уместно охарактеризовать легендарную пропавшую библиотеку Ивана IV. Очень много существует мифов о соискателях скры-

тых знаний – от Бориса Годунова до Наполеона Бонапарта. Давайте не будем искать хорошо укрытых тайников, караванов или обозов с тысячами томов. Просто предположим, что всего лишь в нескольких рукописях находятся зашифрованные сведения о зарождении мировых религий, тайнах формирования языковых сакральных систем и ряда исторических событий, обнаружение которых может привести к реформации сознания сотен миллионов людей. Обладание такими знаниями позволяет проникать в метафизический смысл прошлого, настоящего и будущего, а овладение ими – исполнить своё предназначение. Вполне вероятно, что эти рукописи сегодня открыты для изучения, но без нахождения набора «ключей» они бесполезны. В данном случае мы говорим о реализации «внутренних» или «внешних» функций контроля за скрытыми знаниями: внутренние – это передача избранному преемнику; внешняя – полная ликвидация всех носителей информации, даже потенциальных. Не исключено, что в отечественной истории был реализован второй вариант «контроля».

Вспомним, что решение о венчании на царство молодой Иван принял после продолжительной поездки по монастырям, заканчивающей цикл обучения будущего царя. Наиболее вероятным учителем мог быть знаменитый бывший монах-исихаст Ватопедского монастыря на Афоне и бывший ученик Андрея Иоанна Ласкариса, ставший «невъездным» из страны ещё при Василии III Ивановиче, Максим Грек. Кстати, на стоглавом соборе у Ивана Васильевича на руках были «27 поучительных глав о государственном управлении» писанных из «заключения» Максимом Греком. Необходимо так же отметить, что при Иване IV условия содержания «невъездного» монаха существенно улучшились, особенно после 1551 г. в период его проживания в Троице-Сергиевом монастыре. Акцентируем внимание на том, что после Максима Грека и Ивана IV, иных возможных носителей скрытых сакральных знаний в отечественной истории мы просто не встречаем.

К сожалению также весьма мало сведений и о внешней политике Ивана IV. Проведём только одну параллель с европейскими событиями. В союзе с Данией, в войнах за выход в Балтику (?), Грозным был сокрушён Ливонский орден. Свою племянницу Марию Иван Васильевич выдал за датского принца Магнуса. Английским торговым кампаниям были даны большие привилегии. Вообще, так называемый Северный морской торговый путь в истории Позднего Средневековья таит много интересного.

Так, например, показательна и загадочна судьба «второго датского христианского короля». Кристиан II (правил в 1513-1523 гг. ?) в 1513 г. занял престол Дании и Норвегии. Якобы предварительно вынужден был дать письменные обязательства, которые сильно ограничивали королевскую власть и ставили её под контроль аристократического Государственного совета. Но стал править самовластно, заслужил титул «грозного» (!). Под его управлением находились Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия и Исландия. Интересны принимаемые им меры в экономике. Кристиан обратился к купцам различных европейских стран, в том числе и России, с при-

глашением поселиться в Копенгагене, предпринимал все меры, чтобы учредить в своей столице представительства наиболее богатых домов Европы. Перенёс в Копенгаген контору по сбору зундской пошлины, взимаемой с кораблей за проход через датский пролив Эресунн. Облегчил положение крепостных крестьян (?). Земское уложение 1521 г. запрещало их продавать и давало им возможность оставлять своего господина, если тот с ними дурно обращался. «Вот тебе бабушка и Юрьев день», только по Датски! Много воевал со Швецией стремившейся к независимости. Слыл неутомимым тружеником. После восстания против него в 1523 г. с семьёй бежал за границу. В 1533 г. сподвижники Кристиана II пытались восстановить его на престоле, но безуспешно. Всего он якобы последние 16 лет провел в строгом заточении, где и умер в январе 1559 г. в один месяц с королём Кристианом III.

Создаётся впечатление, что «внешний управляющий» под именем «Грозный» дважды приезжал в Данию для организации международной торговли и сбора дани (взносов) с участников. Одновременно унифицировал законодательный процесс и облегчил жизнь крестьянам. В перерывах между его приездами отмечаются смуты и попытки перехватить власть. Отметим так же, что речь идёт не о католических странах, а о – протестантских. Также необходимо сказать, что приток иностранных специалистов протестантского вероисповедания на Русь фиксируется устойчиво со времён Василия III, где они находят на протяжении столетий, как работу, так и защиту от Католичества.

Континентальная политика Ивана IV была направлена на воссоздание «Орды». Присоединение Поволжья (Казанского и Астраханского ханств) способствовали добровольному присоединению Кавказских земель. В подданство царю перешли ногаи, черкесы, башкиры, хан Белой Орды Едигер, кабардинский князь Темрюк Идаров. В 1577 г. был построен Терский городок, ставший форпостом Руси в этом регионе. После похода Ермака за Урал была снова присоединена Сибирь. Фактически Иван Грозный последовательно и успешно участвовал в дележе континентальных просторов между Османской Портой и династией Шейбанидов правящей в Средней Азии.

После царя Ивана IV Васильевича (Грозного), который первым в истории Руси осознал себя богоизбранным и обязанным спасти мир и посвятившим все деяния этой глобальной идее, наступило искусственно подготовленное «смутное время». В условиях отсутствия сакральных преемников начался процесс перехвата светского и духовного уровней управления. Мы с полным правом можем считать началом «смутного времени» дату смерти первого русского царя. Помимо общеизвестного регентского совета возглавляемого Борисом Годуновым при недееспособном царе Фёдоре Ивановиче, активность проявляла Константинопольская патриархия. Формулировка «Москва – III Рим» по их представлению должна была развиваться в эсхатологическом направлении, а образ «Святой Руси» должен

был соответствовать жертвенным идеалам служения «богоизбранного» народа.

Первой подменой в самосознании вселенской церкви была смена понятий в устоявшейся системе «митрополитство – патриаршество». 26 января 1589 г. константинопольский патриарх торжественно поставил в «патриархи Московские и Всея Руси» митрополита Иону, что не возвысило авторитет Русской Православной Церкви, а лишь определило ей пятое место в иерархии среди самих патриаршеств. Данное событие надолго обусловило методологическую зависимость Русской Церкви от Средиземноморских патриаршеств, которые помимо решения материальных вопросов получили право идеологического руководства. Система ориентиров связывающих русское царство с Древней Сакральной Традицией оказалась под надёжным контролем.

Пришедший на царство после Фёдора Ивановича Борис Годунов уже был запрограммирован на формальное возглавление Православной Церкви. Цитируем по С.В. Переверзенцеву (2005): «... венцом созидательных усилий Годунова должен быть стать грандиозный собор «Святая святых», который замысливался как зримый символ Святой Руси, как главный храм Москвы, России, а может быть и всего православного мира. Позднее дьяк Иван Тимофеев (Семёнов) писал: «Он хотел его устроить в своём царстве, также как в Иерусалиме, подражая во всём Соломону...» Пример Ивана Грозного не был усвоен – основой царства являются не структуры управления, доходы и слава, которые с их помощью можно получить, а х(к)рестьяне, которые руководителя страны должны искренне считать царём проявляющим о них постоянную заботу, а не самозванцем. «Ещё при Фёдоре, в 1593 г. он закрепостил крестьян, отменив Юрьев день. А в 1597 г. издал закон, установивший 5-летний сыск беглых» (В.Е. Шамбаров, 2007). Отдание податей Годуновым на откуп привело к коррупции и резкому увеличению налогов (снималось по «три шкуры»). Не менее фатальным было и решение «подмять под себя Дон», им было предпринято несколько экспедиций на Дон для отлова православных казаков. Воистину, легко разрушить то, что не создавал! Без Бога в душе у «царя» – нет и счастливого царства.

Окончание смутного времени можно уверенно датировать возвращением «из плена» патриарха Филарета Романова. Срок смуты – почти полные сорок лет, по прошествии их наследство сакрального царства было практически уничтожено. Началась новая эпоха в истории России. Внедрённую извне сотериологическую (спасительную) идею жертвенной миссии России как Нового Израиля удалось навязать династии Романовых. Искусственное расширение «идеократического православного царства» до географически «вселенского» сначала привело к Расколу внутри страны, а затем и к непрерывным чаще всего неудачным войнам, реализующим имперские поствизантийские амбиции. Династии Романовых в процессе строительства империи так и не удалось ответить на главный вопрос – сакральности своей власти. Мифологизация собственной легитимности мо-

жет дать только лишь временные результаты. По настоящему люди поверят только тем, кто будет настойчиво реализовывать сакральные цели нации – стремление к праведному устройству жизни, в ладах с людьми и с Богом. Будет справедливым отметить, что за триста лет правления Романовых исторически предопределённый вектор воссоздания континентальной цивилизации неуклонно реализовывался. Наглядно это видно в мирные периоды истории, когда мы наблюдаем многочисленные факты присоединения территорий и народов. Ментальность мирного сосуществования всегда преобладала над силовым способом управления.

Итак, к концу XVI века распад континентальной цивилизации и формирование функций управления с помощью мировых религий поставили мир перед фактом не возврата к ментальности «золотого века». Глобализация под эгидой Модерна предопределила вектор развития технократической цивилизации. Реформация сознания людей, основанная на жёстком разделении «веры» и «знаний» и апробированная в моделях государственного управления эпох «I и II Римов», надёжно блокирует все попытки осознания сакрального предназначения власти. Формализация единого в прошлом языкового семантического пространства через множество абстрактно-символьных лингвистических систем многочисленных государственных образований уже длительный период способствует политической нестабильности и определяет направленность силового воздействия на территории, сохраняющие в обычаях, обрядах, в жизненном укладе и в языках древнюю Сакральную Традицию, т.е. континентальные просторы Евразии.

Политическая судьба России вот уже на протяжении нескольких веков определяется непрерывной метафизической борьбой между хорошо управляемым единым зданием «I и II Римов» и, искажённой идеей искупительной миссии – «III Римом». В идеологическом формате эта борьба претворяется в разнообразных системах координат, таких как славянизм и норманизм, противопоставления Европы и Азии, разделении на левых и правых, в византизме Константина Леонтьева и Павла Флоровского и его противопоставлении западной секулярной культуре, в разделении людей по религиозным конфессиям с провоцированием последних на агрессивные действия и т.п.

Наш народ не должен искупать ошибки прошлого и быть заложником мировых политических процессов непрерывно делящих «мир с помощью Римов». Нет никакого смысла и возлагать на себя искупительную миссию спасения всего человечества перед Страшным судом, борьба с Антихристом не должна превращаться в перманентную борьбу со «Всемирным злом», т.е. – со всеми. Генетическая память и родной язык всегда приходят на помощь. Если и есть вселенская миссия у России, то только одна – построить праведное государство без насилия и войн и завещать его сво-

им потомкам. Нам нет необходимости ориентироваться на запад или восток, надо лишь осознать, что Россия – в первую очередь сакральная цивилизация, а во вторую – государство. Нация как целостность будет осознана каждым человеком только в единстве духовных ценностей претворяемых на родной земле.